

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

ДАР

18+

Андрей Терехов

Дар

«Автор»

2017

Терехов А. С.

Дар / А. С. Терехов — «Автор», 2017

В музее изобразительных искусств города Леемстада стоит, как статуя, как экспонат, художница в белом платье. Это живой человек, хотя табличка у ее ног говорит иное. Будто бы девушка - "предмет", который можно использовать как заблагорассудится. Музей вот-вот откроется, и хлынут посетители. Их много, они ждут с самого утра. Ждут, чтобы использовать "предмет".

© Терехов А. С., 2017

© Автор, 2017

Андрей Терехов

Дар

Зимним утром, когда нежно-розовые лучи рассвета погладили фронтоном над Музеем изобразительных искусств города Леемстада, а ветерок с моря разбросал вдоль проспекта Ветеранов профсоюзные агитки, по булыжной лестнице музея поднялась девушка в белоснежном шерстяном платье (без кринолина, нечеловеческое спасибо прошлогодней моде). От ее лопаток взлетали к синему-синему небу два бронзовых подсвечника на три свечи каждый. В руках посетительница несла саквояж, который клонил ее вбок; черные волосы полоскались на ветру, и "цок" каблуков громко, звонко разносился по пустой улице. На миг девушка оглянулась, затем опустила саквояж и двумя руками потянула за дверную ручку. Лязгнув дверной замок, тяжело и натужно заскрипели петли. Полумрак музея жадно заглотив и девушку, и увесистый саквояж, и на проспект Ветеранов вернулась хозяйка-тишина.

За те двадцать четыре минуты, пока солнечный свет выцветал из розоватого в огненно-золотой, а дымка сна уходила из морозного воздуха, широкая лестница музея втянула в себя еще тринадцать человек. Один из них отрастил в глубинах здания кепочку билетера – с пунктирной белой полосой и сплошной красной – и вернулся. К нему набежала шумная очередь и потянулась через проспект Ветеранов на Медную набережную. Вскарabalась на мост Семнадцати погибших генералов, повихляла между конными (чаще), паровыми (реже) и электрическими (в единственном экземпляре) экипажами и ушла на правый берег реки Леемы, где в вереницу сонных почитателей искусства пристроился Йонниберг. Он приподнял мятый котелок, огладил непокорные светлые вихры и честно отстоял положенные часы на солнце и холоде, чтобы к полудню сменить шесть талеров на зеленый билет с надписью "Зеркало. Необыкновенная экспозиция". Так, вытерпев легкое беспокойство, позывы к мочеиспусканию, а также голод, жажду и трескучий мороз, Йонниберг оказался в музее.

Как и большинство посетителей, Йонниберга не заинтересовали горшки первобытных народов, золотые саркофаги и разноцветные квадраты, которые современные художники гордо величали "ИС-СКУССТВОМ" – он двинулся на голоса, к циклопической зале культуры северных народов. Ее панорамные окна открывали вид на залив, и там, далеко внизу, чадили дымом китобойные пароходы, и плыло над водой обескровленное зимнее солнце, в свете которого – уже здесь, напротив говорливой толпы, – застыла девушка с подсвечниками. Йонниберг растерялся, засмотрелся и с запозданием заметил, что у ног ее, будто перед экспонатом, упокоилась белая табличка с черной надписью.

В САКВОЯЖЕ ЛЕЖАТ 29 ПРЕДМЕТОВ, КОТОРЫЕ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ НА МНЕ КАК ВАМ ПОЖЕЛАЕТСЯ. Я – ТОЖЕ ПРЕДМЕТ. ВЫ МОЖЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕНЯ КАК ВАМ ПОЖЕЛАЕТСЯ С 10:00 ДО 14:00.

Несмотря на щедрое предложение, посетители держались на расстоянии. В этой разномастной толпе из рабочих и моряков, промышленников, людей искусства и празднующейся знати выделялся смуглолицый дылда. Он выглядел нездоровым и незаинтересованным – будто принял приглашение, на которое не мог ответить отказом. И кофейный цвет лица, и зелено-голубая форма выдавали иностранца, так что Йонниберг перебирал в памяти гербы южных Республик. Риберия? Гольдштат? Баргал?

– Да что вы все как дети малые! – воскликнула тучная женщина слева. Она подошла к саквояжу, достала из него белую ленту и неуклюже стянула черные волосы девушки в хорошенький хвост. Посетители замолчали, только Йонниберг нервно засмеялся.

– Вот! Вам пойдет такая прическа, дорогуша.

Девушка не отреагировала. Женщина победно оглядела толпу и удалилась. Шли минуты, никто не двигался, затем кашлянула маленькая девочка, зашуршал кружевами пожилой фабрикант. Йонниберг дернулся, было, вперед, но смутился. Все взгляды обратились в его сторону, он поморщился и почти прыгнул вперед.

– А-а пользуйте-с вас погладить?

Люди зашептались. Девушка молчала и смотрела в одну точку, как и статуи в нишах. В зеленых глазах отражались окна, умытые полуденным солнцем.

Йонниберг сглотнул, в замешательстве оглянулся на посетителей, на работника музея – тот яростно закивал – и коснулся щеки девушки. Кончики вспотевших пальцев ощутили прохладную, шелковистую кожу. Обычную кожу. Йонниберг отдернул руку и, чувствуя странное возбуждение, наэлектризованность, скрылся в толпе. В конце концов он пришел сюда не за этим.

– ... и я смотрела, как мою дочь... падчерицу сажают на стул, – с трудом говорила женщина, – поднимают со стула, поднимают, переворачивают, и я терпела. Но когда этот боров снял с нее сапог и стал шупать лодыжку, я не выдержала. Это же музей. Там люди... там дети... а моя до... падчерица с голой лодыжкой. Мало того, что нас пустили в университеты, дали нам право голосовать, мы теперь еще и лодыжки показываем все кому ни попадя? Это же не какой-то балет.

Стефан запоздало кивнул. Он сидел на жестком стуле и смотрел в окно, где на фоне промозгло-серого неба поскрипывал сломанный фонарь. Лицо горело под маской, седалище онемело. Шея затекла от неудобной позы, и Стефан с удовольствием повернулся бы к собеседнице, если бы именно этого и не избегал.

После всех допросов, осмотров и новых допросов, и новых осмотров – он хотел одного: спать. Впасть в зимнюю спячку, в летаргический сон. Уснуть и не скоро проснуться. Может, сказывался возраст – осенью на Кукушкин день Стефану пробило восемьдесят семь, – а может, унылая погода, но что-то в организме шло наперекосяк. "Природа... Погода..." – замелькали в голове рифмы. Стефан с детства ловил себя на них, но стихов не писал. Когда-то он хотел – одной хорошенькой девочке, – да так и не собрался.

– А, так что же вы сделали? – опомнился Стефан и перебрал закрома памяти в поисках имени той девочки. Гретта или Эва? А может, Саския? В голове маячила фамилия ее отца, владельца городской станции вещания. Его знак тогда стоял на каждом громкоговорителе – сколь гордое, столь и нелепое "Кнапсен".

– ... и тогда я сказала, чтобы она шла домой, – действие обезболивающего кончалось, и слова женщины тяжелели, замедлялись. – Она молчит. Я чудом – чудом! – сдержала себя и сказала ей надеть сапог обратно. Мужчина, этот боров, стал возмущаться, я дала ему пощечину, и нас вывели из музея.

– Ну да. Ну да. И на том все, ушли?

– Если бы! Я снова купила билет и вернулась. Думала... я не знаю, что думала. Думала, что все будет нормально. Что этот боров был исключением. Конечно, стало только хуже.

Они помолчали. Что-то клокотало в горле женщины, когда она дышала. За окном нудно и тоскливо поскрипывал фонарь.

– Ведь вот который раз слушаю об этой выставке, – Стефан пожал плечами, – а ума до сих пор не приложу: зачем это вашей падчерице?

– Что?

– Ну вот эта выставка, хе-хе.

Женщина с трудом набрала воздух.

– Вы слышали о том, что она делала на китобойне?

– Уж простите старика, но не припоминаю.

– Сидела на китовых костях, отмывала их от крови и пела колыбельную.

– О...

– Наверное, за этим и надо. Чтобы даже такой человек, как вы, о ней услышал и сказал: "О!.." А она бы только посмеялась. Ей только дай пошутить да похихикать.

Голос женщины потеплел, и Стефан задумался, что она подразумевала. Такой же – по возрасту? Воспитанию? Уму?

– Герцогиня уже в курсе? – спросила собеседница.

– Ей отправили официальное письмо, но пока, таскать, она не удостоила нас честью.

– Родная мать, называется.

– Все мы не без греха. Скажем, у пчел старые матки тоже плохо летают. Сидят среди воска и меда, а... – Стефан шлепнул себя по лбу и чудовищным усилием НЕ повернулся к женщине. – А, к слову, подсвечники! Вот ведь зачем такой милой девушке эти оглобли на плечах, хе-хе?

– Не знаю. Два года я терпела... эти подсвечники, а теперь...

– Да? И как же она спала-то?

– Спала?

– С оглоблями своими.

– Она... не спала. Бессонни...

Голос женщины прервался, и она заскулила – видимо, от боли.

– Пора мне и честь знать, – Стефан поднялся и машинально отвернулся от окна. В последний момент он опомнился, поднял взгляд. – Вы уж тут поправляйтесь, а я... Стефан со стыдом сообразил, как неуместна эта фраза, и затараторил:

– Вот ведь в конце, когда все началось, вы что-то, может, видели?

Женщина молчала. Стефан решил, что она потеряла сознание, и открыл дверь.

– Холод... Темнота... – с трудом проговорила женщина. – И... тихо. Я уже... не кричала... кто-то... читать стихи... из ее книги, а потом... Стало... так тихо...

Стефан уже расслабился, уже вышел разумом в коридор – опередил собственное тело – и потому невольно оглянулся. Он забыл смотреть в окно, на стену или еще куда угодно, кроме больничной койки, и зрение услужливо сфокусировалось на немолодой женщине. Она лежала на больничной койке – так, как лежат тяжелобольные и умирающие, – будто увязала, будто тонула, будто простыни и подушка прорастали сквозь нее. Волосы женщины отслаивались с кожей от черепа, а лицо, руки, шею – все пожирала черная гниль. За время разговора заражение перекинулось на левый глаз, и женщина моргала им, словно ей что-то мешало. Стефан и сам заморгал, ощутив эту несуществующую соринку в своем глазу.

– Больше... ничего... – сказала через силу женщина. – Извините... Я не... не... в себе была...

Стефан медленно кивнул своим мыслям, вышел и прикрыл дверь с табличкой "Палаты для зараженных". В коридоре стояла гнетущая тишина. Ворванки на стенах озаряли бледно-васильковым светом двух санитаров, которые несли тело. На большом пальце трупа качалась, сверкала и брякала медная бирка: "Йонниберг Найбтройц".

Стефан с облегчением снял противогаз и вытер потное лицо. Он вспомнил молодчиков из магистрата: как у них так же сверкала медь на погонах, как чиновники орали и требовали "четкое, ясное" объяснение. Они повторяли и повторяли это, и перебивали друг друга – каркали, будто стая воронят, будто Стефан оглох и отупел на склоне лет. Наверное, молодчики испугались. Наверное, на жироперерабатывающих фабриках и китобойных судах участились рабочие стачки, Наверное, Риберийская республика захватила новую зону китобойного промысла, когда тут, в столице, устроили эту выставку с сотнями жертв. Кто бы не испугался?

Стефан очнулся от мыслей и заметил, что у стены сидит врач. На его переднике блестели потеки черной жидкости.

– Госпдин дознаватель, – доктор улыбнулся. Взгляд у него осоловел, язык заплетался. – Я, если позволите, насчет вашего задания.

– Задания?.. – не понял Стефан и хитро улыбнулся в ответ. – Какого же такого задания, молодой человек?

– Ну если позволите, вы прсили говорить, когда на телах будут особые приметы. Вот сейчас была змея. Была змея. Клеймо змеи с двумя глвами. Если это поможет установить личность...

Стефан сцепил руки за спиной и покачался с носка на пятку.

– Змея. Зме-я... Да, а скажите-ка, а заразился этой гадостью кто-то новый? Из персонала? На улицах?

Врач покачал головой.

– Только из музея, гсподин Зееман.

– Если так, беда.

Врач в отчаянии махнул рукой.

– Хуже. Сывротка из бычьей крови не помогает, Галицианский бльзам не помогает. Мы только и можем, что давать им душицу, чтобы заглушить боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.